

УДК 94(430).06
ББК 63.3

БИТВА ПОД ЛЕЙПЦИГОМ 16–19 ОКТЯБРЯ 1813 г. В ОТРАЖЕНИИ НЕМЕЦКОЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПРОПОВЕДИ

Стерхов Дмитрий Владимирович

Кандидат исторических наук
dmitrii_sterhov@mail.ru
г. Москва, Российская Федерация

В статье представлен анализ патриотических проповедей, прочитанных немецкими протестантскими пасторами в честь победы союзных войск над армией Наполеона Бонапарта в битве под Лейпцигом. Основное внимание уделяется идее «Божьего суда» над Наполеоном и французской нацией. Подробно анализируется образ «искупительной битвы», принесшей освобождение Германии от иноземного ига. Выявляются основные черты немецкой нации, пропагандируемые протестантским духовенством. Особо подчеркиваются христианские мотивы в создании «мифа о Лейпциге».

Ключевые слова: битва под Лейпцигом, Наполеоновские войны, патриотическая проповедь, религиозный патриотизм, немецкий национализм.

Никто из европейских союзников Наполеона не мог предположить летом 1812 г., чем закончится поход «Великой армии» на Россию. После бесславного провала русского похода первой от Бонапарта отпала Пруссия: 28 февраля 1813 г. был подписан русско-пруссский Калишский союзный договор, окончательно оформивший Шестую коалицию. 15 марта Пруссия объявила войну Франции [14, S. 80]. Постепенно коалиция стала расширяться за счет других участников: весной – летом 1813 г. к России и Пруссии присоединились мекленбургские герцогства, Швеция и Англия, в августе 1813 г. к антинаполеоновскому лагерю примкнула и Австрия. Накануне осеннего военного похода союзни-

ки могли выставить около 512 000 человек, силы Наполеона составляли порядка 567 000 человек [15, S. 260–262]. Решающее сражение состоялось 16–19 октября 1813 г. под Лейпцигом, именно знаменитая Битва народов переломила ход кампании в пользу коалиционных войск и ознаменовала собой начало крушения наполеоновской системы в Европе. Последствия победы союзников были впечатляющими: на сторону коалиции перешли практически все германские государства, французские войска были изгнаны из Германии, Италии и Испании, а военные действия в скором времени были перенесены на территорию самой Франции [1, с. 649]. Под стенами Лейпцига всемогущий импера-

тор потерпел одно из самых сокрушительных поражений в своей военной карьере.

Несмотря на историческое значение Лейпцигской битвы, пожалуй, лишь для одного европейского народа она являлась событием национальной важности – для немцев. Дело в том, что 1813 г. предшествовал период формирования немецкого национально-патриотического движения, которое пыталось организовать борьбу против наполеоновского господства и стремилось пробудить национальное самосознание немцев. Однако в условиях полной зависимости от наполеоновской Франции национально-патриотическая пропаганда оставалась неэффективной: национально мыслящие политики не допускались к этой деятельности, патриотические организации преследовались местными властями и держались в тени [9, S. 43–44]. Ситуация изменилась после провала похода Наполеона в Россию: патриотические движения получили поддержку со стороны германских князей, которые стремились использовать их при мобилизации населения для борьбы против внешнего врага. Огромный поток патриотической литературы, захлестнувший германские государства в 1813–1814 гг., свидетельствует о том, что национальная тематика становилась центральной в публицистике и официальной пропаганде [2, с. 416].

Одной из ключевых тем патриотической литературы являлась борьба за освобождение от французского гнета, достижение национальной независимости. Как отмечает Оттон Данн, с 1809 г. можно наблюдать зарождение национально-освободительного движения против наполеоновского господства в германских землях, откуда берет свое начало представление об освободительной борьбе немецкого народа [5, S. 60]. В это представление органически вписывалась битва под Лейпцигом, которая принесла окончательную свободу немцам и сразу же приобрела общенациональное значение. «На полях Лейпцига возник национальный миф», – пишет современный историк Кристин Шефер. – В коллективной памяти немцев Битва народов стала неотъемлемой частью национальной истории, религиозно-мифической битвой, прародительницей нации» [21, S. 187].

Свой вклад в создание этого национального символа внесли не только традиционные

носители национальной идеи – светские писатели, публицисты, философы, поэты, государственные деятели, но также немецкое духовенство, в первую очередь протестантское. Более того, немецким пасторам отводилась решающая роль в формировании такого образа Лейпцигского сражения в умах немцев. Уже через несколько дней во многих саксонских городах, в том числе в самом Лейпциге, прошли праздничные богослужения в честь одержанной над врагом победы [26, S. 266]. На первое же воскресенье после битвы были назначены религиозно-патриотические праздники в соседней Пруссии [12]. Не менее активно протестантское духовенство участвовало в грандиозном национальном празднике, организованном 16–19 октября 1814 г. в честь годовщины победы под Лейпцигом. По замыслу инициаторов празднеств (коими, среди прочего, являлись такие деятели, как Эрнст Мориц Арндт, Фридрих Людвиг Ян и Йозеф Геррес), пасторам и проповедникам отводилась решающая роль в организации и проведении торжественных мероприятий [8]. Таким образом, в 1813–1814 гг. было прочитано немало патриотических проповедей, посвященных битве под Лейпцигом; их содержательная сторона представляет немалый интерес, так как позволяет предпринять анализ тех идей, которые протестантские пасторы пытались внушить своей пастве.

Практически каждая из проповедей начиналась с описания тех бед, которые постигли Германию в годы наполеоновского господства. Проповедники всячески старались создать негативный образ наполеоновской эпохи в умах своих слушателей и читателей. Отрицательный эффект создавался благодаря тем оценочным эпитетам, которые использовали пасторы: период 1806–1812 гг. сравнивался с тьмой, грозой, мрачными сумерками, которые накрыли Германию. «Темная ночь сгустилась над Германией», – утверждал гейдельбергский проповедник Кристиан Теодор Вольф, описывая состояние страны накануне Лейпцигской битвы [6, S. 59]. О «грозовых облаках», «мрачной ночи», «мраке тирании и рабства» говорили и многие другие проповедники, противопоставляя наполеоновскому периоду «свет свободы» и «зарю независимости», наступившие после победы под Лейпцигом [19, S. 54; 6, S. 516].

Годы французской гегемонии воспринимались пасторами в первую очередь как период национального угнетения немцев, о чем пасторы ревностно напоминали верующим. Гнетущая картина национального унижения создавалась за счет частого использования таких понятий, как «иноземная тирания», «иноземный гнет» и «позорное рабство», которые повторяются из проповеди в проповедь. К примеру, гессенский проповедник из местечка Петтервайль Генрих Кристиан Флик так описывал своей пастве притеснения французов: «Враги нашего Отечества... желали принести нам позорное рабство, насадить свой скользкий и ханжеский язык, свои распутные и постыдные нравы, дабы затянуть нас в самую преисподнюю» [11, S. 11]. Совсем неслучайно состояние Германии проповедники сравнивали с Вавилонским пленом древних израильтян, проводя тем самым вполне очевидную для верующих аналогию [13, S. 16; 25, S. 295].

Тяжкие годы национального унижения, выпавшие на долю немецкого народа, протестантские пасторы объясняли оригинальным способом – они обвиняли самих немцев в их собственных несчастьях. По мнению проповедников, Господь решил наказать немцев за те морально-нравственные пороки, которые царили в немецком обществе, и наслал на Германию иноземных захватчиков. Главным прегрешением немцев, с точки зрения многих проповедников, являлось неверие, отсутствие интереса к религии, увлечение антирелигиозными идеями эпохи Просвещения. Презрительное отношение к вере породило и другие нравственные пороки: многие пасторы указывали на недостаток патриотизма и интереса к общественным делам, отсутствие единства среди самих немцев, дух раздора и своекорыстия [19, S. 38; 20, S. 5]. Однако главная причина крылась в упадке религиозности, приверженности немцев, в первую очередь образованных слоев, к пагубному, с точки зрения проповедников, духу Просвещения. Тюрингский пастор из местечка Гера Хан утверждал в своей проповеди: «Религиозный и нравственный упадок является причиной всех бед, в том числе и общественных... Этот печальный опыт постиг и саму Германию» [13, S. 26].

Как полагали многие проповедники, опыт иноземного ига пошел на благо немцам, ибо

позволил им осознать свои пороки и встать на путь исправления. В итоге Господь сжалился над немецким народом и решил послать ему избавление – победу под Лейпцигом. Однако ей предшествовали определенные знаки и чудеса, ниспосланные Богом, которые стали предвестниками будущего освобождения. Достаточно популярной была история о некоей комете, которая в середине ноября пронеслась по небу над Германией [27]. Еще одним чудом являлся необыкновенно богатый урожай осени 1812 г., который, как утверждали некоторые теологи, был дарован Богом специально для того, чтобы прокормить немецкую армию [25, S. 306].

Величайшим «Божьим чудом» стало неожиданное поражение наполеоновской армии в России, которая не была разбита на поле боя, но потеряла свою воинственность в первую очередь от холода и голода. Франкфуртский проповедник Иоганн Кристоф Шписс напоминал жителям города о тех роковых днях: «Наполеону удалось добраться до самого сердца Российской империи, проникнуть в древнюю резиденцию русских царей, но тут словно раздался глас Божий с небес: «Доселе дойдешь и не перейдешь». Ужасающий мороз ниспослал Господь на голодное и изможденное войско, так что насмерть замерзали и люди, и кони, в снегах и льдах нашла гибель эта армия. Не человек был причиной этого, но Господь, который управляет земными стихиями» [25, S. 304–305]. Даже московский пожар немецкие проповедники трактовали как орудие Господне [18, S. 8; 19, S. 39].

«Суд Господень» – эти два слова стали, пожалуй, самой популярной метафорой, с помощью которой пасторы и даже их светские коллеги описывали события зимы, лета и осени 1813 года. Первый этап возмездия состоялся под Москвой, где, по словам рейнского пастора Фридриха Круммахера, «ангел местности восстал из сожженного города и наслал мороз и голод, от которых погибли сотни тысяч людей» [17, S. 7]. В более резких формах высказывался пастор Мундт: «Состоялся ужаснейший суд Господень – еще более ужасный, чем суд над братоубийцей Каином» [19, S. 39]. Аналогия с судом над Каином была достаточно популярна в проповедях [27, S. 15], не менее часто встречались сравнения Напо-

леона с древнеегипетским фараоном, который не захотел понять знаков Господних и упорствовал в своем грехе [17, S. 8; 19, S. 16]. Заключительным аккордом Божьего суда над Наполеоном и всей французской нацией, по мнению многих пасторов, стал именно Лейпциг.

Список грехов, предьявляемый немецким протестантским духовенством французскому императору, необычайно длинен: в речах священников упоминаются и тиранический образ правления Наполеона, и его непомерная гордыня, и неукротимое тщеславие. Из уст многих проповедников звучали обвинения Наполеона в стремлении установить гегемонию Франции, покорить и лишить национальной индивидуальности как можно больше народов [4, S. 48; 17, S. 6]. Многие священники отмечали неуважительное отношение Наполеона к вере и религии и даже приписывали ему планы по замене христианства культом собственной личности. Силезский пастор Томас Тиде уверял своих слушателей в том, что «если бы Наполеон покорил Россию, то со всех алтарей были бы скинуты кресты, а вместо них были бы установлены его изображения для поклонения» [27, S. 13]. Не забывали пасторы упомянуть неприязненное отношение Наполеона именно к протестантизму. Как утверждал проповедник из Геттингена Карл Шлегель, император вновь подчинил бы его католицизму, вернув Германию и Европу к дореформационному периоду [23, S. 99]. Проповедники намеренно создавали образ богоборца, что было характерно и для светской публицистики [24]. Лейпцигская битва сравнивалась с борьбой добра, света, справедливости с царством тьмы, безбожия, лжи и несправедливости, то есть с царством самого дьявола [19, S. 54; 25, S. 306]. В целом образ Бонапарта наделялся чертами и качествами, чуждыми истинному христианину и верующему.

Однако суд Божий постиг не только нечестивого императора, но и французский народ. Образ французов в проповедях также крайне неприглядный; пасторы указывали на многочисленные пороки и недостатки, свойственные французской нации. Французам, по мнению представителей духовенства, были присущи эгоизм, высокомерие, самоуверенность, легкомысленность, беспринципность, хитрость, тщеславие, в целом набор отрица-

тельных характеристик был таким же, как и в светской литературе [16, p. 130]. Французы, в отличие от немцев, изображались в проповедях как народ, бунтующий против устоявшихся порядков, презирующий все законное, легитимное и, соответственно, данное Господом. Французский народ посягнул на самое святое, что у него было, – на священную фигуру короля, данного нации Богом, чем возмущались многие пасторы [11, S. 3; 20, S. 10].

Образные сравнения, основанные на исторических аналогиях, способствовали созданию негативного образа французов. Наиболее часто они сравнивались с древними римлянами, которые в эпоху Империи погрязли в пороке и разврате. При этом проповедники намекали на схожесть Французской и Римской империй: и та, и другая стремились установить свое господство над всем миром. «Как некогда в древние времена пала поработившая весь мир Римская империя, так же пал и подобный римлянам галльский народ», – проводил прямую параллель Фридрих Круммхер [17, S. 10]. Особый упор делался на антагонизм между древними римлянами и германцами, который в эпоху Освободительных войн казался как никогда актуальным. Так, саксонец Иоганн Хан призывал немцев задуматься над тем, что «если Рим не смог покорить нас, то тем более этого не сможет сделать сейчас Франция» [13, S. 47]. Уподобление французов древним римлянам создавало иллюзию древности франко-германского противостояния, укорененного в далеком прошлом, при этом немцы всегда выступали в качестве пострадавшей стороны.

Для немцев же Лейпциг стал проявлением Божьей милости. Не случайно самым популярным эпитетом применительно к сражению стала метафора «освободительная битва» (Erlösungsschlacht), что может также трактоваться как «искупительная битва». Действительно, под Лейпцигом немцы искупили все свои грехи и своими страданиями заслужили Божье прощение, гнев Божий обратился против их угнетателей и поработителей. Многие авторы даже прибегали к персонификации Бога, создавая представление о том, что Господь лично вел немцев к победе, как утверждал Иоганн Хан, вопрошавший у своих сограждан: «Разве Господь не встал во главе немец-

кого воинства, как только мы, немцы, стали достойны его милости? Разве не сражался он вместе с нашими солдатами, защищая нашу свободу и наши права?» [13, S. 44]. Коллега Хана, проповедник Фридрих Вильгельм Шенк восклицал 18 октября 1814 г.: «Германия сражалась вместе с Господом и вместе с Ним победила!» [6, S. 136].

Господь не просто «лично» вел немцев к победе под Лейпцигом, как полагали многие авторы, Он заключил новый завет с немецкой нацией. Завет этот заключался в том, что немцы были призваны Богом осознать себя единой нацией, ведь совсем не случайно пасторы, во многом вслед за светскими публицистами, утверждали, что победа пробудила национальное чувство немцев. Пастор Август Раушенбуш из Дюссельдорфа торжественно заявлял в своей праздничной проповеди: «Что мы имели после Лейпцигской битвы? Уже никто не называл себя пруссаком или австрийцем, баварцем или швабом, франконцем или саксонцем, но все почувствовали, что все мы – немцы, и мы должны быть едины. Лейпцигская битва пробудила весь немецкий народ!» [6, S. 218]. Как полагал гессенский проповедник Генрих Флик, победа под Лейпцигом позволила немцам ощутить свое родство, осознать свою принадлежность к единой нации: «Ты можешь быть из Австрии или Пруссии, – обращался он к своим слушателям в октябре 1814 г., – из Баварии или Гессена, к какому немецкому племени ты бы ни принадлежал, имеет смысл лишь одно – одна немецкая кровь, которая течет в наших жилах, одно немецкое сердце, которое бьется в нашей груди» [11, S. 18].

Говоря о единстве немцев, теологи обычно указывали на культурные и морально-нравственные черты. В первую очередь это касалось немецкого языка, который однозначно являлся основным показателем принадлежности к единой нации. На немецкий язык как на главный фактор единства немцев указывал пастор Краус, проживавший в небольшом гессенском городке Лангеншварц: «Среди нас нет гессенцев или дармштадтцев, мы все – немцы, мы все – братья, ведь мы все говорим на одном, немецком, языке и принадлежим к одному, немецкому, Отечеству» [6, S. 288]. «Немецкими провинциями» называл проповедник

из герцогства Саксен-Гота Иоганн Георг Йонатан Шудерофф те земли, «над которыми светит немецкое солнце и где звучит немецкая речь» [7, S. 357]. Несмотря на некоторые аналогии с произведениями светских авторов, к примеру, с лирикой Эрнста Морица Арндта или публицистикой Иоганна Фихте, в проповедях практически не встречаются идеи об «исконности», чистоте или превосходстве немецкого «праязыка» [8, S. 70].

Проповедники выделяли другие факторы, представляющие немцев как единую нацию, особенно с точки зрения морально-нравственных характеристик, однако стоит отметить, что именно этот важный компонент в проповедях отражен достаточно размыто. Так, многие пасторы упоминали «немецкие нравы», «немецкие обычаи», «немецкую честь и свободу», а также «немецкую верность», не предлагая никакого разъяснения этим терминам.

Пожалуй, лишь одна характеристика нашла наиболее полное выражение – это то, что пасторы именовали «немецкой религиозностью» [16, p. 138]. К примеру, мекленбуржец Георг Мундт в один ряд с немецким языком, немецкой верностью и немецкой порядочностью ставил «нашу немецкую веру» как одну из главных национальных ценностей, которую удалось спасти благодаря победе над врагом [19, S. 57]. Коллега Мундта Иоганн Хан также считал набожность и религиозность важнейшей чертой немецкого национального характера, противопоставляя тем самым благочестивых немцев безбожникам-французам [13, S. 47]. При этом никаких указаний на конкретную конфессию – католицизм или протестантизм – не делалось, этот вопрос чаще всего полностью умалчивался, однако некоторые пасторы призывали к единству католиков и протестантов и объявляли религиозные различия между ними несущественными, как это делал вестфалец Фридрих Круммахер [17, S. 15]. Безусловно, для протестантских пасторов, как служителей культа, религиозность немецкого народа имела принципиальное значение, однако практически все светские публицисты эпохи Освободительных войн акцентировали внимание публики на этой характеристике, которая в определенной степени стала общим местом немецкой национальной идеи XIX века [3].

Значительное место в религиозно-патриотической публицистике занимают образы национальных немецких героев. Здесь становится заметной чисто протестантская специфика: пасторы сравнивали сражения Освободительных войн с событиями Тридцатилетней войны, при этом самым популярным героем назывался не немец, а швед – король Густав Адольф, защитник и покровитель немецкого протестантизма. К примеру, мекленбургский проповедник Георг Мундт сравнивал сражение под Лейпцигом с битвой при Брайтенфельде: «Таким же днем победы был тот день, когда Густав Адольф на полях Саксонии нанес сокрушительное поражение войскам Тилли, чем спас нашу свободу мысли и совести» [19, S. 49]. Особенно часто образ Густава Адольфа встречается в проповедях прусских пасторов, которые сравнивали своего короля Фридриха Вильгельма III с легендарным королем Швеции [29].

Другим, не менее популярным, героем являлся Мартин Лютер, который достаточно часто встречается в патриотических проповедях. Это объясняется тем, что празднование победы под Лейпцигом как в 1813, так и в 1814 гг. совпадало с празднованием очередного юбилея немецкой Реформации, и многие пасторы использовали это совпадение для проведения очередной аналогии между событиями Освободительных войн и Реформации. Как некогда Лютер дал духовную свободу немцам, так теперь его потомки добились свободы политической. Проповедники подчеркивали схожесть двух событий, представляя Мартина Лютера в качестве спасителя, освободителя всех немцев [23, S. 111; 29, S. 57].

Обращение к Тридцатилетней войне или к эпохе Реформации отличало протестантское духовенство от светских, тем более католических публицистов, для которых фигуры Густава Адольфа или Мартина Лютера по понятным причинам не представлялись значимыми. Однако пример другой исторической, даже полуполюгендарной, личности завораживал и религиозных, и светских публицистов. Бесспорным лидером среди немецких национальных героев являлся вождь древнего германского племени херусков Арминий. В силу того, что французы в проповедях чаще всего сравнивались с распутными древними римлянами эпохи Империи, отсылки

к Арминию и победе германцев над Римом казались вполне актуальными. Не случайно проповедник из вестфальского местечка Моншау на границе с Францией Максимилиан Шайблер в самом названии своей проповеди назвал победу над французами «Лейпцигским сражением Арминия» [22, S. 1]. Проповедник Георг Мундт проводил прямую параллель между победой под Лейпцигом и битвой в Тевтобургском лесу, когда «Арминий и его немецкие воины уничтожили римлян, сбросили их иго и сохранили для нашего Отечества свой язык, свои обычаи и свою свободу» [19, S. 49]. Используя подобные сравнения, пасторы создавали иллюзию глубокой укорененности немецкого народа в далеком прошлом. Немцы, разгромившие Наполеона на полях Саксонии, практически ничем не отличались от древних германцев, уничтоживших 3 легиона римского императора Августа. «Мы – внуки Арминия!» – восклицал в своей праздничной проповеди баварский проповедник Валентин Файльлодтер, утверждая эту взаимосвязь в сознании своих слушателей и читателей [28, S. 8]. Тем самым проповедники, пусть и в завуалированной форме, указывали на древние корни немецкого народа, а битва под Лейпцигом органически вписывалась в полотно немецкой национальной истории.

Таким образом, как можно было убедиться, патриотическая проповедь являлась не менее эффективным средством национальной пропаганды, чем лирика, торжественная речь или любой другой жанр светской публицистики. Благодаря проповедям немецких пасторов, Битва народов укоренялась в сознании немцев как событие общенационального масштаба. После полувекового перерыва о Лейпциге вспомнили в годы франко-германской войны 1870–1871 гг., когда немцы вновь воевали против Бонапарта – теперь уже Наполеона III. Аналогии рождались сами собой, наиболее популярным было сравнение Лейпцигской битвы с битвой под Седаном. С грандиозным размахом столетие Битвы народов праздновалось в 1913 году. И вновь не последнее место в национально-патриотической пропаганде занимало немецкое протестантское духовенство [21, S. 195]. Это обстоятельство позволяет обратить внимание на роль религиозного фактора в формировании национальных идей европейских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Манфред, А. З. Наполеон Бонапарт / А. З. Манфред. – М. : Мысль, 1987. – 735 с.
2. Медяков, А. С. Национальная идея и национальное сознание немцев / А. С. Медяков // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. – М. : Зерцало, 2005. – С. 394–458.
3. Altgeld, W. Katholizismus. Protestantismus. Judentum. Über religiös begründete Gegensätze und national-religiöse Ideen in der Geschichte des deutschen Nationalismus / W. Altgeld. – Mainz : Matthias-Gründewald-Verlag, 1992. – 227 S.
4. Böckel, E. G. A. Religionsvorträge, bei besonderen Gelegenheiten gehalten / E. G. A. Böckel. – Berlin : Gädicke, 1816. – 254 S.
5. Dann, O. Nation und Nationalismus in Deutschland: 1770–1990 / O. Dann. – München : Beck, 1994. – 362 S.
6. Des teutschen Volkes feuriger Dank- und Ehrentempel oder Beschreibung wie das aus zwanzigjähriger französischer Sklaverei durch Fürstentracht und Volkskraft gerettete teutsche Volk die Tage der entscheidenden Völker- und Rettungsschlacht bei Leipzig am 18. und 19. Oktober 1814 zum erstenmale gefeiert hat / gesamm. und hrsg. von Karl Hoffmann zu Rödelheim. – Offenbach, Verlag?1815. – 1146 S.
7. Die Erhebung gegen Napoleon / hrsg. von Hans-Bernd Spies. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1981. – 472 S.
8. Düding, D. Das deutsche Nationalfest von 1814: Matrix der deutschen Nationalfeste im 19. Jahrhundert, in: Öffentliche Festkultur. Politische Feste in Deutschland von der Aufklärung bis zum Ersten Weltkrieg / D. Düding ; hrsg. von Otto Dann, Peter Friedemann, Paul Münch. – Reinbeck bei Hamburg : Rowohlt, 1988. – 412 S.
9. Düding, D. Organisierter gesellschaftlicher Nationalismus in Deutschland (1808–1847)/D. Düding. – München : Oldenburg Verlag, 1984. – 357 S.
10. Echternkamp, J. „Religiöses Nationalgefühl“ oder „Frömmerei der Deutschtümler“? Religion, Nation und Politik im Frühnationalismus, in: Nation und Religion in der deutschen Geschichte / J. Echternkamp ; hrsg. von Heinz-Gerhard Haupt und Dieter Langewiesche. – Frankfurt-am-Main : Campus Verlag, 2001. – S. 142–169.
11. Flick, H. Chr. Worte, am 19ten Oktober 1814, als am teutschen Befreiungsfeste, zu seiner Gemeinde gesprochen / H. Chr. Flick. – Petterweil, 1814. – 32 S.
12. Geheimes Staatsarchiv Preußisches Kulturbesitz. – I HA. – Rep. 76. – Kultusministerium, III. – Sektion 1. – Abt. III. – Nr. 7. – Bd. I. Die kirchlichen Feierlichkeiten vor und nach beendeten Kriegen. – Bl. 117 v–118 r.
13. Hahn, J. Z. Religiöse Gedächtnisfeier des großen Sieges bey Leipzig auf dem Markte und in der Kirche zu Gera gehalten / J. Z. Hahn. – Eisenberg : Verlag der Schöne'schen Buchhandlung, 1814. – 48 S.
14. Handbuch der deutschen Geschichte. In 4 Bd. Bd. 3. Von der französischen Revolution bis zum Ersten Weltkrieg. – Stuttgart : Union Verlag, 1970. – 583 S.
15. Helmert, H. Europäische Befreiungskriege 1808 bis 1814/15 / H. Helmert, H. Usczeck. – Berlin (Ost) : Militärischer Verlauf, 1976. – 449 S.
16. Hoover, A. The Gospel of Nationalism. German patriotic Preaching from Napoleon to Versailles / A. Hoover. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1986. – 164 p.
17. Krummacher, F. A. Siegespredigt, gehalten in der Marienkirche zu Bernburg den 18. November 1813 / F. A. Krummacher. – Halle, 1814. – 24 S.
18. Müller, G. L. Rede gehalten auf dem Feldberge, in der feyerlichen Nacht vom 18ten auf den 19ten Oktober 1814 / G. L. Müller. – Frankfurt-am-Main : bei Bernhard Körner, 1814. – 14 S.
19. Mundt, G. W. Einige Predigten und Reden, bei wichtigen Veranlassungen des Krieges gehalten. Zur dankbaren Erinnerung an Deutschlands Errettung und zur Unterstützung der Wittwen und Waisen seiner Erretter herausgegeben / G. W. Mundt. – Halle und Berlin : in den Buchhandlungen des Hallischen Waisenhauses, 1816. – 111 S.
20. Pfeiffer, J. W. Rede bei der glänzendsten Feier unserer Zeit, nämlich an dem Feste des Dankes für die, bei Leipzig zwischen dem 16sten und 19sten Oktober 1813 glorreich erkochtenen Siege / J. W. Pfeiffer. – Berlin : in der Maurerschen Buchhandlung, 1813. – 16 S.
21. Schäfer, K. A. Die Völkerschlacht, in: Deutsche Erinnerungsorte. In 2 Bd. / K. A. Schäfer ; hrsg. von Etienne François und Hagen Schulze. – München : Verlag C. H. Beck, 2001. – Bd. 2. – S. 187–201.
22. Scheibler, M. F. Rede zum Andenken der Leipziger Hermannschlacht am 23sten Oktober 1814 / M. F. Scheibler. – Montjoie, Verlag?ohne Datum. – 24 S.
23. Schlegel, K. A. M. Eine fruchtbare und zeitgemäße Betrachtung über die durch Reformation unseren Vorfahren und auch uns zu Theil gewordene große Befreiung, in: Ders. Auswahl einiger Predigten in Beziehung auf die bisherigen Zeitereignisse, und nach wichtigen Zeitbedürfnissen / K. A. M. Schlegel. – Göttingen : bey Vandenhoeck und Ruprecht, 1814. – 269 S.
24. So zerstieben getraumte Weltreiche. Napoleon I. in der deutschen Karikatur. – Stuttgart : Verlag Gerd Hatje, 1995. – 420 S.
25. Spieß, J. Chr. Denkmäler oder Predigten über die Ereignisse der Jahre 1813 und 1814 / J. Chr. Spieß. – Frankfurt-am-Main : bei Philipp Heinrich Guilhauman, 1815. – 336 S.
26. Stiehl, H. Die Völkerschlacht bei Leipzig im Spiegel zeitgenössischer Predigten Leipziger Geistlichen, in: Verantwortung. Untersuchungen über Fragen aus Theologie und Geschichte

/ H. Stiehl. – Berlin : Evangelische Verlagsanstalt, 1964. – S. 264–279.

27. Tiede, T. Die Siege bey Leipzig! Gefeyert zu Reichenbach den 31sten Oktober 1813 / T. Tiede. – Berlin : Neue Societät Verlags-Buchhandlung, 1814. – 24 S.

28. Veillodter, V. Dankbares Andenken an den Tag der Vaterlands-Errettung. Eine Wochenpredigt, am 19. Oktober 1814 in der Kirche zu St.-Aegidien gehalten / V. Veillodter. – Nürnberg : bei Riegel und Wießner, 1814. – 15 S.

29. Wolf, Ph. Predigt am Dankfeste wegen der Siege bei Leipzig, in: Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten / Ph. Wolf. – Berlin und Stettin : in der Nicolaischen Buchhandlung, 1815. – Bd. 7, Stück 2. – S. 41–50.

REFERENCES

1. Manfred A.Z. *Napoleon Bonapart* [Napoleon Bonaparte]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 735 p.

2. Mediakov A.S. Natsional'naia ideia i natsional'noe soznanie nemtsev [The national idea and the national consciousness of the Germans (from the end of the 18th century till 1871)]. *Natsional'naia ideia v Zapadnoi Evrope v Novoe vremia* [The national idea in Western Europe in the early modern period]. Moscow, Zertsalo Publ., 2005, pp. 394-458.

3. Altgeld W. *Katholizismus. Protestantismus. Judentum. Über religiös begründete Gegensätze und national-religiöse Ideen in der Geschichte des deutschen Nationalismus*. Mainz, 1992, s. 134.

4. Böckel E.G.A. *Religionsvorträge, bei besonderen Gelegenheiten gehalten*. Berlin, 1816, s. 48.

5. Dann O. *Nation und Nationalismus in Deutschland: 1770–1990*. München, Beck, 1994, s. 60.

6. *Des teutschen Volkes feuriger Dank- und Ehrentempel oder Beschreibung wie das aus zwanzigjähriger französischer Sklaverei durch Fürstentracht und Volkskraft gerettete teutsche Volk die Tage der entscheidenden Völker- und Rettungsschlacht bei Leipzig am 18. und 19. Oktober 1814 zum erstenmale gefeyert hat. Gesammelt und herausgegeben von Karl Hoffmann zu Rödelheim*. Offenbach, 1815, s. 59.

7. *Die Erhebung gegen Napoleon*. Hrsg. von Hans-Bernd Spies. Darmstadt, 1981, s. 357.

8. Düding D. *Das deutsche Nationalfest von 1814: Matrix der deutschen Nationalfeste im 19. Jahrhundert*, in: *Öffentliche Festkultur. Politische Feste in Deutschland von der Aufklärung bis zum Ersten Weltkrieg*. Herausgegeben von Otto Dann, Peter Friedemann, Paul Münch. Reinbeck bei Hamburg, 1988, s. 67-91.

9. Düding D. *Organisierter gesellschaftlicher Nationalismus in Deutschland (1808 – 1847)*. München, 1984, s. 43-44.

10. Echternkamp J. *“Religiöses Nationalgefühl” oder “Frömmerei der Deutschtümler”? Religion, Nation und Politik im Frühnationalismus*, in: *Nation und Religion in der deutschen Geschichte*. Hrsg. von Heinz-Gerhardt Haupt und Dieter Langewiesche. Frankfurt-am-Main, 2001, s. 154-155.

11. Flick H. Chr. *Worte, am 19ten Oktober 1814, als am teutschen Befreiungsfeste, zu seiner Gemeinde gesprochen*. Petterweil, 1814, s. 11.

12. Geheimes Staatsarchiv Preußisches Kulturbesitz, I HA, Rep. 76, Kultusministerium, III, Sektion 1, Abt. III, Nr. 7, Bd. I. *Die kirchlichen Feierlichkeiten vor und nach beendeten Kriegen*. Bl. 117 v-118 r.

13. Hahn J.Z. *Religiöse Gedächtnisfeyer des großen Sieges bey Leipzig auf dem Markte und in der Kirche zu Gera gehalten*. Eisenberg, 1814, s. 16.

14. *Handbuch der deutschen Geschichte. In 4 Bände. Band 3. Von der französischen Revolution bis zum Ersten Weltkrieg*. Stuttgart, 1970, s. 80.

15. Helmert H., Usczeck H. *Europäische Befreiungskriege 1808 bis 1814/15. Militärischer Verlauf*. Berlin (Ost), 1976, s. 260-262.

16. Hoover A. *The Gospel of Nationalism. German patriotic Preaching from Napoleon to Versailles*. Stuttgart, 1986, p. 130.

17. Krummacher F.A. *Siegespredigt, gehalten in der Marienkirche zu Bernburg den 18. November 1813*, Halle, 1814, s. 7-8.

18. Müller G.L. *Rede gehalten auf dem Feldberge, in der feyerlichen Nacht vom 18ten auf den 19ten Oktober 1814*. Frankfurt-am-Main, 1814, s. 8.

19. Mundt G.W. *Einige Predigten und Reden, bei wichtigen Veranlassungen des Krieges gehalten. Zur dankbaren Erinnerung an Deutschlands Errettung und zur Unterstützung der Wittwen und Waisen seiner Erretter herausgegeben*. Halle und Berlin, 1816, s. 54

20. Pfeiffer J.W. *Rede bei der glänzendsten Feier unserer Zeit, nämlich an dem Feste des Dankes für die, bei Leipzig zwischen dem 16sten und 19sten Oktober 1813 glorreich erfochtenen Siege*. Berlin, 1813, s. 5.

21. Schäfer K.A. *Die Völkerschlacht*, in: *Deutsche Erinnerungsorte. In 2 Bände. Band 2*. Hrsg. von Etienne François und Hagen Schulze. München, 2001, S. 187.

22. Scheibler M.F. *Rede zum Andenken der Leipziger Hermannschlacht am 23sten Oktober 1814*. Montjoie, ohne Datum, s. 1.

23. Schlegel K.A.M. *Eine fruchtbare und zeitgemäße Betrachtung über die durch Reformation unseren Vorfahren und auch uns zu Theil gewordene große Befreiung*, in: *Ders. Auswahl einiger Predigten*

in Beziehung auf die bisherigen Zeitereignisse, und nach wichtigen Zeitbedürfnissen. Göttingen, 1814, s. 99.

24. *So zerstieben getraeumte Weltreiche. Napoleon I. in der deutschen Karikatur.* Stuttgart, 1995.

25. Spieß J. Chr. *Denkmäler oder Predigten über die Ereignisse der Jahre 1813 und 1814.* Frankfurt-am-Main, 1815, s. 295.

26. Stiehl H. *Die Völkerschlacht bei Leipzig im Spiegel zeitgenössischer Predigten Leipziger Geistlichen, in: Verantwortung. Untersuchungen über Fragen aus Theologie und Geschichte.* Berlin, 1964, s. 266.

27. Tiede T. *Die Siege bey Leipzig! Gefeyert zu Reichenbach den 31sten Oktober 1813.* Berlin, 1814, s. 15.

28. Veillodter V. *Dankbares Andenken an den Tag der Vaterlands-Errettung.* Eine Wochenpredigt, am 19. Oktober 1814 in der Kirche zu St.-Aegidien gehalten. Nürnberg, 1814, s. 8.

29. Wolf Ph. *Predigt am Dankfeste wegen der Siege bei Leipzig, in: Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten.* Band 7. Stück 2. Berlin und Stettin, 1815, s. 56.

THE INTERPRETATION OF THE BATTLE OF LEIPZIG (OCTOBER 16–19, 1813) IN THE GERMAN PATRIOTIC SERMON

Sterkhov Dmitry Vladimirovich

Candidate of Sciences (History)
dmitrii_sterhov@mail.ru
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article touches upon the impact of the religion on the national consciousness of European nations in the 19th century. As an example of this impact can serve the sermons of the German protestant clergy dedicated to the victory of the German and Allied troops over Napoleon armies in the Battle of Leipzig on 16–19 October, 1813. On the battlefield of Leipzig there emerged a very powerful national myth, partly created by means of the patriotic preaching of German pastors. This myth of Leipzig, propagandized by the protestant clergy, consisted of several components; one of them was the popular idea of “God’s Judgment” which was imposed by God on Napoleon and the French nation. The salvation of Germany was thus explained by God’s direct intervention in the Liberation Wars against France. The pastors create a dark and unattractive image of Napoleon who is exposed as tyrant, theomachist and even Antichrist. Not less negative is the image of the French who are described in the sermons as unreligious and immoral. Their direct opposites are the Germans whom the protestant preachers endow with such qualities as piety and morality. In the eyes of the pastors the Germans constitute a single nation united by common features, such as the German language, the German traditions and the German religiousness. As considerable national symbols in the sermons appear the German national heroes such as Martin Luther, the Swedish King Gustav Adolph and the most notable hero Hermann, the leader of one of the ancient German tribes. Consequently the French are compared with ancient Romans who overindulged in sins and immorality and were defeated by the brave Germans with the help of God. As a result the German protestant clergy contribute to the creating of the myth of Leipzig which became a considerable symbol of the German national history.

Key words: Battle of Leipzig, Napoleonic Wars, patriotic sermons, religious patriotism, German nationalism.